

Кузьмин Александр
(п. архисектор Моссобин)

60304

Александр КУЗЬМИН, главный архитектор Москвы:

Градостроительство и рыночная экономика — они, как правило, совпадают

Свою позицию в сохранении культурного и исторического наследия столицы главный архитектор Москвы Александр Кузьмин раскрывает в интервью обозревателю «Известий» Виктории ВОЛОШИНОЙ.

— В Москве сейчас около тысячи зданий, которые заявлены претендентами на получение статуса памятников истории и культуры. Вы, что довольно странно слышать от архитектора, предлагаете этот список резко сократить. Зачем? Ведь в Москве даже полученный охранный статус не помогает, когда находятся инвесторы с золотыми кошельками.

— Нет. Памятнику помогает статус. Можно назвать лишь единичные случаи, когда были затронуты именно памятники.

— Мне кажется, после сноса Военторга довольно трудно так говорить. Хотя можно привести и другие примеры, и мы их неоднократно приводили в рубрике «Осторожно, Москва».

— Знаете, чему меня научил Военторг (а он как раз был претендентом на охранный статус. — «Известия»)? История с ним как раз и утвердила меня в мысли, что нельзя годами держать здания в подвешенном состоянии — вроде они и претендуют на охранный статус, а вроде пока его и не имеют. В Управлении охраны памятников Москвы меня поддержали — и сейчас его специалисты проводят ревизию всего списка кандидатов на памятники. Надо четко определиться, что город берет на охрану, а что — нет.

— И то, что город возьмет под охрану, уже не сможет взять под новейшей самой богатый инвестор?

— Этот список будет вынесен на заседание правительства Москвы со всеми необходимыми согласованиями с федеральными и с московскими властями, и наконец будет поставлена точка в этом вопросе. К зданиям, попавшим в список, будет такое же отношение, как к Дому Пашкова.

— То есть никто не тронет никогда.

— Никто не тронет никогда.

— И сколько из примерно тысячи кандидатов в памятники получат охранный статус, по вашим расчетам?

— Я думаю, где-то две трети. Меня, конечно, общественное мнение распнет за то, что я сейчас говорю, но я скажу. К примеру, был такой период — конструктивизм. Замечательные клубы строились, гаражи... Совершенно ясно, что это памятники — тут вопросов нет. Но в тот же период было развернуто довольно бурное жилищное строительство, и те же самые архитекторы строили дома, целые жилые микрорайоны. Их в городе штук 16. В каждом из них живут люди, причем живут в жутких условиях, потому что здания построены из не самого лучшего материала. И вот они сейчас все записаны в кандидаты на статус памятников. Моя позиция проста: проанализировать все эти 16 микрорайонов. Выбрать из них один-два, которые связаны с громкими именами и имеют историческую и первопроходческую роль или являются эталоном постройки того времени. Их — сохранить. А остальные — ну что людей то мучить, которые в них живут?! У города нет денег поддерживать этот фонд.

— А на содержание тех зданий, что будут признаны памятниками, деньги у Москвы найдутся?

— Их, во всяком случае, понадобится меньше. Кроме того, я уверен, что в каждом случае должен быть четко определен предмет охраны. Что конкретно мы охраняем? Если это фасад, тогда именно он и должен быть сохранен. Или есть внизу подвалы XVII века — тогда без подземного гаража инвестор обойдется, но остальное инвестор перестроит. Примерно так.

— Довольно утилитарный подход...

— Просто все наши рыдания по поводу гибнущих памятников мне напоминают дилемму красноармейца Сухова: его сразу пристрелить или он хочет лучше помучиться...

— Вы хотите сразу пристрелить?

— Ну хотя бы не мучить. Еще раз повторюсь: в данном вопросе не должно быть неясностей, недоговорок. Именно в этой мутной воде — то ли памятник, то ли не памятник, то ли его поставили на охрану, то ли пока не сняли — и происходят неприятные вещи. Военторг 15 лет числился кандидатом в памятники...

— А кто эти законы принимал? Город и принимал.

— Ну и надо их изменить.

— Лужков любит повторять, что Москва эклектична. Его оппоненты называют эту эклектику разнорукостью, а зачастую и безвкусицей. А вы, как главный архитектор, можете сказать, каков сейчас архитектурный стиль у столицы?

— Я немного буду вульгаризировать, потому что на эту тему надо долго говорить. Есть монотилевые города, как, к примеру, Петербург, чисто классический стиль, в который очень трудно вписать современную архитектуру, а есть — полистилевые, как Москва. И я очень рад, что не работаю в монотилевом городе, я просто не смог бы там работать. А Москва — она же постоянно менялась, и каждый период ее развития оставил свой след в архитектуре. Есть примеры старомосковской архитектуры, сохранились образцы классицизма и барокко. Потом появился ампиризм. Потом византийский стиль. Потом пошел модернизм. Потом пошел конструктивизм. Потом сталинская архитектура. Все есть. Поэтому у Москвы очень много начал. И грамотное развитие этих начал — это и есть московский стиль. Надо в каждом конкретном месте смотреть, что и как было до

тебя и что ты можешь или не можешь здесь сделать.

— Недавно Лужков озвучил решение снести гостиницу «Россия» и возвести на ее месте нормальную отель. Есть ли уже проработки, что будет напротив Кремля?

— Такой гостиница, как «Россия», давно уже не место напротив Кремля. Вы знаете, как она строилась? Очень просто. По заказу партии: есть 4000 мест во Дворце съездов, пусть будет 4000 мест в гостинице «Россия». Вот и все. Отель на 4000 мест — этого же нигде нет. Кроме того, мы хотим построить здесь отель, который будет в два раза ниже нынешней «России» и не будет заслонять Кремль.

— А гараж будет?

— Будет. Подземный, на два уровня, но большой площадью на несколько тысяч машин. Кроме того, два уровня нового здания отойдут под кинотеатры, новый концертный зал. А вся этажность будет в 5–6 этажей. Скорее всего стилистика будет китайгородская.

— И инвестор нашлся уже?

— Нет, никаких инвесторов нет. Насколько я знаю, это инициатива федерально-московская. Но уверен, что инвестор найдется. Рыночная экономика чем хороша в этом плане? При ней недопустимы функциональные глупости. Я даже пример приведу. Помните ГУМ советских времен? И вот мы, градостроители, мучились, как же сделать так, чтобы торговлю убрать с Красной площади. Что только не придумывали. Всерьез обсуждалась идея сделать в ГУМе музей Ленина, то есть выбиралась минимально вредная функция для этого места — музейная. А на сегодняшний день мы имеем торговый музей в ГУМе. Там мало что покупает, зато каждая престижная фирма хочет сидеть на Красной площади. Главная беда ГУМа — толпы народа — ушла. Исторически там всегда было торговое место. То есть градостроительство и новая рыночная экономика — они, как правило, совпадают.

Известия - 2004 -
6 марта - с. 14.